
Дальний Восток: дела и люди

Виктор КОМАРОВ

ОСТРОВА ТУМАНОВ

У Командорских островов, в отличие от многих сотен других, разбросанных у побережий и в морях нашей земли, судьба особая. Как показывает история, они никогда не были — эти, чуть ли не самые дальние наши острова — в забвении, что так характерно для далеких, в море заброшенных земель. Многие ли, кроме моряков да географов, которым, как говорят, по штату положено, знают, например, где расположены острова Ляховские, Анжу, Карагинский? А все они куда более крупные. А вот где находятся Командоры — знают все. И этой своей известностью они обязаны и истории их открытия, в основе которой трагедия гибели их первооткрывателей во главе с командором, и географии — островов на краю ойкумены, через которую затем пролегали пути русских первооткрывателей и промышленников в Русскую Америку.

Но за 240 лет человеческой истории, а обитаемыми эти острова стали даже меньше двух веков, в забвение могло уйти и имя капитан-командора Витуса Беринга, как ушли имена многих его сподвижников, и — с продажей Русской Америки — их значение как пункта, связующего ее с Азиатским материком, если бы сама природа не позаботилась об их незабвенности, сделав их обиталищем редких и ценных пушных зверей.

НА ЛЕЖБИЩЕ

На одно из беринговских лежбищ котиков, на Северо-Западное, меня провожает человек, без которого туда появляться нельзя — районный инспектор Камчатрыбвода. Старожил острова, черноволосый, сухощавый, он от местных жителей отличается, пожалуй, только высоким ростом да более узким европейским лицом. А в остальном в Фомине вряд ли можно признать уроженца вятских краев. Что же касается заботливости о здешней природе, то в этом немногие сравняются с ним и из аборигенов островитян.

Помимо рыбы под охраной рыбвода здесь находятся и лежбища котиков и каланов, а поскольку леса, стало быть, и лесников на островах нет, то почти все природоохранные дела ложатся на Камчатрыбвод, и забот у командорских инспекторов хватает. Поэтому лучше Фомина вряд ли кто знает остров.

Характер у него твердый, решительный, и, видимо, поэтому среди жителей острова имеет он не только друзей, но и немало недругов. Островные речки и озера в лососевую путину богаты красной рыбой, а разрешают ее ловить в определенном количестве только коренным островитянам — алеутам да тем, кто прожил на островах много лет. Любителей же рыбалки много, и рассуждают иные так: как же так — возле рыбы жить и покупать ее в магазине? Тут и случаются у рыбинспектора конфликты из-за строгости или принципиальности. А остров есть остров: кусок земли посреди моря, село, и хочешь не хочешь встреч не избежать даже с тем, с кем не хочется встречаться. Вот и тлеют такие конфликты порой месяцами, а то и годами.

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

Встретились мы накануне поездки в его квартире — небольшой, но уютной,

где в каждой вещи — вырезанном деревянном идоле, камне, ракушке, даже в отделке кухонных стен — чувствовались умелые руки хозяина, и его вкус, и непотерянная романтика души.

— Работу такую выбрал себе сам, добровольно, — говорит он решительно, будто отсекая всякие попытки вмешать сюда судьбу, обстоятельства или случай. — Переболел в юности недугом своего поколения: в начале жизни как-то смешались и закат романтики, и рассвет прагматизма. Иные шибко практичные люди называют это инфантилизмом — затянувшимся детством. Покопался я тут как-то в словаре. Пошло это модное словечко от испанского инфант — королевский отпрыск, принц. Только мы росли не в королевских условиях. У меня, например, отец рано умер, двое детей — неизбалованные росли. И не в городе — в селе... Все это, наверно, по-другому называется, по-русски, не на иностранный манер. Потому что русский человек рождается романтиком и умирает им... А вот когда жизнь начинает требовать от него слишком большой практичности, тут и проявляется этот так называемый инфантилизм. Ну, в общем, с наследственной профессией у меня не получилось. В роду были все врачами, с бог знает каких еще времен. И я кончил десятилетку, отправился в Архангельский мединститут. Но на конкурсной волне не удержался, под нее угодил. Приятель по несчастью сагитировал в Ярославль, на вечернее отделение. Приехали, а ни жилья, ни работы, ночевали на вокзале, пока в милицию не попали. Вернулся домой. Работал на автобазе, на лесоповале, опять поступал в институт, и опять — мимо. Наконец проблему разрешил призыв в армию. А вернувшись, решил раз и навсегда покончить со своим инфантилизмом: поступил на факультет охотоведения сельхозинститута...

Дорога на Северо-Западное лежбище, ближнее к поселку, несложная и недалняя. Колея идет по песчаной лайбе до бухты Китовой, потом поднимается на взгорье, и то бурая торфяная пыль, то такая же бурая вода летит из-под колес грузовика, оседает тонким слоем на одежде. По сторонам тянется унылая кочкаристая тундра, однообразие которой нарушают временами небольшие поляны карликовой рябины — двадцати-тридцатисантиметровых плодоносящих растений.

Через полчаса дорога кончается у двух домиков на берегу.

— Лежбище котиков там, за пригорком, — указывает Фомин. — Здесь в одном из домиков во время промысла зверобой живут. А в другом — наука. Вот и представитель ее, — кивает он на появившегося из двери Дмитрия Ивановича Чугункова, научного сотрудника Камчатского отделения ТИНРО.

Чугунков много лет занимается котиками на острове. И знают его тут не меньше, чем само лежбище. Приезжает сюда с подходом стада, уезжает осенью. Еще раньше работал, как он сам рассказывал, здесь, на острове, директором зверосовхоза.

— Но «под старость захотел отдохнуть от ратных дел», — не без юмора и горечи о работе, хоть и хлопотной и тяжелой, но общественно значимой, говорит Чугунков. — Из руководителей на производстве пошел чернорабочим в науку. А практически и сейчас работаю на производстве: определение лимита добычи, учет, разные профилактические мероприятия.

Отношение к науке тут неоднозначное. Сохраняется еще уважение к ней. Поскольку именно ее радением была восстановлена на Командорах до промыслового значения котиковая популяция, которая к началу нынешнего века практически была уничтожена.

Имя одного из пионеров этого доброго дела, ныне известного специалиста по морским ластоногим Сергея Владимировича Марокова, здесь не только хорошо помнят. Тут работают его ученики — тот же Владимир Фомин, «хранитель» Северного лежбища, сотрудник ТИНРО Геннадий Александрович Нестеров, «хозяин» Северо-Западного Дмитрий Иванович Чугунков. Да и сам он время от времени наезжает еще на острова, — здесь живет и дочь его Наталья, жена Фомина.

— Сейчас численность котиков и на Командорах, и на американских островах Прибылова стабилизировалось, — объясняет, пока мы идем к лежбищу, Фомин. — На островах Прибылова — 871 тысяча, у нас примерно вдвое меньше. А на Командорских лежбищах — 200—220 тысяч. Добываем немного и по конвенции часть отдаем США, Японии за то, что они не бьют их в своих водах во время зимней миграции.

По тому, как объясняет Фомин, видно, что он уже привык к своей роли штатного экскурсовода. И в этот раз ему набрали целую группу строителей, приехавших из Москвы на остров заработать во время летнего отпуска.

— А может, мы зря «дань» платим? — сомневается кто-то из них. — Может, наши котики туда и не плавают?

— Науке видней, — пожимает плечами Фомин. — Они занимаются этим делом.

И в этом пожатии, мне показалось, выразилось то самое двойное нынешнее отношение к «котиковой» науке на острове: почтение и уважение к ее прошлым заслугам и скептицизм к делам сегодняшним — эта невидимая для практиков и реально неощутимая в их работе деятельность многочисленных наезжающих сюда летом экспедиций и ученых из разных концов страны, преимущественно из европейской части, и, с другой стороны, прогрессирующие болезни и увеличивающийся отход котиков, — которое дает основание острить по поводу того, что лежбища тюленей стали «лежбищами» и для некоторых ученых.

— У нас задача попроще, — отвечает, чуть бравируя, на новый вопрос Фомин. — Наше дело — охранять, «не пущать» и дать возможность зверям жить спокойно. У них и без того жизнь тревожная. Особенно у секачей. Сейчас сами увидите.

Холм, на который мы поднялись, вдруг оборвался и внизу выстелился серым песчаным пляжем к самой воде. Тут и там поднялись на этой двухметровой полоске отлогого берега каменные останцы — кекуры. А между ними весь пляж занят черно-серой шевелящейся массой котиков — их десятки тысяч, и «необитаемого» пространства практически нет. Отвернешься на минуту — кажется, что находишься у большого смешанного стада; точно быки, ревут секачи — хозяева гаремов, блеют по-овечьи самки, по-ягичьи кричат «черненькие» — недавно родившиеся «котята», смоляно-черные, без единого пятнышка.

С холма к середине лежбища ведет закрытая с двух сторон деревянная эстакада, заканчивающаяся башенкой, — это сооружение ученых, чтобы, не потревожив котиков, вести наблюдения, подсчет, другие необходимые работы. С эстакады это делать удобно и безопасно. Безопасно потому, что, хотя котики и не агрессивные звери и, увидев человека, как правило, спешат уйти, но, когда секач сидит на охране своего гарема, — не подойти к нему ни другому секачу, ни человеку: в ярости он на суше не менее подвижен, чем в воде, а острые и крепкие клыки всегда наготове.

Был такой случай. Прошлым летом. С «черненькими» работали на лежбище аспирантка Кировского сельхозинститута Лидия Софронова и студент Владимир Букин. Залежки «черненьких» — «детские сады» — охраняют секачи. Чтобы пройти сквозь охрану, делают «тройного коня», или «танк», — фанерный ящик без дна. В нем исследователь, как черепаха в панцире, передвигается. Поскольку фанеры у студентов не было — взяли картонные ящики. Секач налетел, ударил — картон порвался. И они — без защиты. Стали кричать, звать на помощь. Товарищ их попытался к ним приблизиться — не вышло. Побежал за помощью. Прибежали промысловики — зверобои с дубинками-«дрыгалками». И тоже котики бросаются, не дают пройти, ни дубин, ничего не боятся. Лишь когда вызвали вездеход, на нем удалось добраться до «пленников», выволить их. Несколько часов они пролежали ни живые ни мертвые, боясь пошевелиться, в окружении секачей, которые при малейшем движении готовы пустить в дело клыки...

С эстакады, поднятой над пляжем на два-три метра, удобно наблюдать: вся жизнь многочисленного стада как на ладони. Когда приглядишься, то в беспорядочной толчее многотысячного стада угадывается и какой-то свой порядок. Четко определяются гаремы: седовато-черный величественно восседающий секач, настороженно следящий за всеми вокруг и готовый в любую секунду метнуться навстречу врагу или за убегающей из гарема подругой, и три-четыре десятка изящных бежево-темных самочек.

— Секачи приходят на лежбище летом, раньше основного стада, — объясняет Фомин. — Занимают места, сидят, ждут подхода самочек. Интересно они смотрятся тогда: сидят, как пни, ровно, в шахматном порядке, будто кто их специально рассаживал. Надо сказать, самоотверженные звери: почти все лето практически не питаются — то охраняют место для гарема, то сам гарем. Неутомимые пастыри. Прекрасные пловцы: тысячи миль проплывают в океане. Хорошие ныряльщики:

погружаются до глубины в сотню метров. А там вон, в стороне, — показывает на окраину лежбища, — залежки холостяков. Изгой котикового общества. Среди гаремов им появляться нельзя. Всякого, который осмелится это сделать, секачи гонят ожесточенно, пока либо не забьют, либо удастся ему пробиться к морю. Поэтому молодые и держатся своей колонией. До пяти лет. И если с двух до пяти его минует дубинка промысловика (а добывают только самцов этого возраста), то, значит, повезло, и через год он уже в состоянии отстоять жизненное пространство весной на этом пляже. А потом в схватках с другими собрать собственную семью — гарем. Инстинкт собственности у них развит...

С эстакады хорошо видно, как вспыхивают то тут, то там скоротечные схватки секачей то с изгоем-холостяком — как бы не покусился он на собственность семьянина, — то с соседом, который прозевал переметнувшуюся самочку. Страдают от этих раздоров, увы, как и у людей, прежде всего малыши: разъяренные отцы семейств, налетая друг на друга, давят их своими могучими центнеровыми телами насмерть.

— Удивительно, но в этом вот бедламе каждая из мамаш находит по голосу своего детеныша и один раз в сутки кормит, — объясняет Фомин, — кормит только своего, не чужого...

— Чувство собственности, — усмехаясь, резюмирует кто-то из экскурсантов. — Один из самых примитивных инстинктов...

— Да, — тоже усмехнувшись, подтверждает Фомин, — инстинкт зверя...

БУХТА КОМАНДОР

Среди многих земель и краев не так уж много найдется таких, чье туманное прошлое не украшено кружевами легенд и преданий. Земля без легенд — все равно что человек без рода: есть у него прошлое и предки, а знает лишь столько, сколько на его собственной памяти. Командоры — вот такая земля.

Ученые нашли где-то на соседних с ними островах следы обитания человека, относящиеся к седьмому-шестому тысячелетию до нашей эры. Но не на Командорах. На этой земле отсчет человеческой истории идет с 10 ноября 1741 года, с того дня, как штормовое море стало приютом измученной и больной команде пакетбота «Святой Петр». А за приют этот моряки заплатили немалую цену.

Лишь беспристрастная история, считающая только победы и поражения, а не жертвы, понесенные для этого, назвала тот день добрым. Не случись на пути этого острова — как знать, как распорядилась бы судьба: или, как и второй корабль экспедиции, дошел бы «Святой Петр» тоже до Камчатских берегов, или, может, исчез бы без вести в морской пучине. Но случай распорядился так, что на эту землю ступил экипаж «Святого Петра». И стало это событие командорской легендой, которую хранят и украшают, передавая из поколения в поколение. И недаром не один, а три памятника Берингу стоят в селе Никольском у самой кромки воды, — в разные времена поставлены они, разными поколениями.

Катит почти к самому их подножию волны Тихий океан, приходят отдать дань памяти первооткрывателю все, кому случается быть на острове.

Но не здесь, не в бухте села Никольского, произошла трагедия кораблекрушения 245 лет назад. Есть другое место на острове, где покоятся останки первооткрывателей островов. Бухта Командор. Она по другую сторону и в другом конце острова, недалеко от самой южной его оконечности мыса Монати. Дорога, если можно так назвать след вездехода, к бухте Командор непростая и неблизкая: сначала через весь остров на противоположный берингоморский берег, потом вдоль самого прибоя. А если учитывать, что на острове два-три вездехода, то не такое это уж часто посещаемое место, несмотря на почтение командорцев к своей легенде-были.

Мы уезжаем, как здесь говорят, в остров. Дорога из поселка Никольского поднимается вверх, на сопки, и, мечась по их вершинам-увалам, вьется к другому берегу, туда, где снова синее море. Сопки здесь невысоки — самая большая возвышенность Стеллера, около семисот метров. Когда-то море, а потом бесконечные ветры огладили их, выровняли. И если говорить о чисто пейзажной красоте острова Беринга, то, пожалуй, унылей места можно найти лишь где-нибудь в самых север-

ных чукотских равнинных тундрах. Все беринговские красоты — лишь у самого берега — там, где неутомимые морские волны тысячелетия бьются об эту ставшую на пути их вольного разгула землю и сокрушают не только податливую рыхлость осадочных пород, но и само базальтовое основание острова. Многочисленные бухты, заливчики, невысокие останцы и рифы обрамляют своеобразным узором пустую серость островного ландшафта, придают ему некую экзотичность.

И если смотреть на острова эти без романтической призмы «ах, Командоры!» — то вся экзотика их состоит из удаленности (за краем нашей земли, за краем ойкумены), котиковых лежбищ и названий. Многие названия здесь так или иначе варьируют звание и фамилию первооткрывателя. Но есть и такие, в которых и романтика моря, и экзотика истории.

За озером Саранным дорога, пробежав по сопкам, снова спускается к морю — уже на другой стороне острова — в небольшую и тихую бухточку Старая гавань. Отдаленная от остальной бухты базальтовыми рифами, маленькая гавань уютна и спокойна, и, когда глядишь на нее, так и кажется, что вот сейчас из-за прибрежной сопки выйдет потрепанная штормами бригантина, круто развернется на траверзе мыса, опадут порванные ветром паруса, и неслышно и медленно скользнет она в эту тихую гавань, чтобы отдохнуть от буйства океана.

Когда-то так и было. В нее заходили промысловые суда русских зверобоев, отправлявшихся на острова за морским бобром и котиком, тут они запасались мясом морской коровы, по вкусу сходным с говядиной. В бухте отстаивались во время штормов корабли Российско-Американской компании, направлявшиеся в Русскую Америку: на Аляску, в Калифорнию, на острова Прибылова и Алеутские. Сюда заходили многочисленные промысловые суда Англии, Франции, Испании, США. Старая гавань давала приют независимо от национальности. Многие экипажи зимовали здесь: осенние частые шторма запирали наглухо до холодов. И хоть льдов тут не бывает, море открыто всю зиму, но именно здесь рождаются многие зимние циклоны, и средняя скорость ветров в декабре 13—14 метров в секунду. А при таких ветрах обледеневшему паруснику, рискнувшему покинуть тихую гавань, одна дорога — на дно.

За Старой гаванью след снова по самому берегу моря. По мокрому, утрамбованному волнами песку отливной полосы, по серой хрусткой гальке. Слева, от черных рифов, вспенивающих волны, до горизонта — вода. Справа — будто вырезал кто гигантским ножом из коврижки острова бесчисленные заливы, бухточки, и — где сопку через самую вершину отвалил, где распадок обрезал вместе с бежавшей по нему речкой. И теперь то текут с откромсанных сопки каменные осыпи, то из ложбин между ними низвергаются с полсотни, а то и сотни метров пеннобелые шлейфы водопадов.

Очередное на пути достопримечательное для командорцев место — бухта Буян. Здесь сопки отодвинулись от берега вглубь, и по неширокой тундре, поросшей местами карликовым ивняком, выбегает к морю речка. У самого берега моря она врывается в склон сопки и вымывает из ее рыхлых пород яшмы, халцедоны. На берегу море неустанно катает их волнами, отшлифовывает до блеска. И разноцветное это узорчатое камень, среди которого встречаются и настоящие агаты, командорцы любят собирать.

Вот она передо мной, эта бухта. Ее называли Командор. Трагедия и слава тут повенчались и рука об руку пошли в бессмертие. Тут больной шестидесятилетний командор, руководитель самой большой в истории великих открытий России экспедиции, нашел свой последний и вечный приют вместе с восемнадцатью своими сподвижниками.

Безмятежно катит легкие синие волны спокойное на этот раз Берингово море. Неслышно умирают они на черных обнаженных отливом рифах, не докатившись до песчаной отмели, до пологого склона сопки, где стоит простой безыскусный памятник командору — черный железный крест — и в мемориальную доску славянской вязью врезаны навеки русские имена. Имена тех, кто на алтарь славы и пользы Отечества положил все, что имел, — жизнь.

Здесь редко бывают люди, но каждый попавший сюда не преминет почтить память первопроходцев букетом ярко-желтых рододендронов к подножию памятника.

Скромный мемориал установлен на смену старому деревянному кресту совсем

недавно — три-четыре года назад. Тогда экспедиция курсантов-моряков проводила раскопки на месте зимовки первооткрывателей острова. Были найдены пушки пакетбота, ядра к ним, много других вещей-реликвий, экспонирующихся ныне в Петропавловске-Камчатском и в Морском музее Владивостока.

Положены цветы рядом с чугунной плитой, на которой отлито «Великому мореплавателю, капитан-командору Витусу Берингу от жителей Камчатки», к мемориальной доске с русскими именами славянской вязью, последний взгляд на бухту, на белеющие в синей дали скалистые берега Медного. И снова путь через остров...

ОСТРОВА РОБИНЗОНОВ

К Медному мы подошли на рассвете. Скалистые берега его обрываются в море, вверху — уходят в туман. Ошалелый ветер раскачал океан, и громадные волны разбиваются о каменные утесы. Подойти к берегу, тем более высадиться, нет никакой возможности.

— Пойдем в Берингово море на подветренную сторону, — решил капитан. — Где-нибудь спрячемся в бухте. При этом ветре, наверное, за Черным мысом тихо.

Медный — небольшой островок, тридцать миль в длину, пять в ширину, безлюдный, не считая нескольких домиков, построенных у лежбищ для научных сотрудников. Тихоходный сейнер наш еще добрых шесть часов идет вдоль обрывистых берегов. У Черного мыса, на другой, берингоморской стороне острова, становится на якорь.

Поднимаюсь на мостик, чтобы разглядеть, далеко ли до скал, в которые, может, еще до утра нас вцепит тяжкая океанская волна.

— Не спится? — встречает меня из темноты сонный голос «деда» — так зовут механиков на судах. Нашего все называют «дед Миша». Седой, лет пятидесяти мужчина, сухощавый и высокий, он говорит так, как будто постоянно сдерживает себя. И оттого разговор его кажется степенным, обстоятельным.

— Это — психология, — выслушав, чиркает он спичкой, чтоб закурить сигарету. — С непривычки. До утра ничего не будет... Можно спать спокойно. Не уснешь? Это — другое дело. — И, располагаясь к обстоятельному разговору, раскуривает сигарету. — А насчет скал — не бери в голову, — советует «дед». Чувствую, что он улыбается в темноте. — У нас посуда все же покрепче беринговского пакетбота. Да и время не то: робинзонами не будем. А читал я где-то: были и на Медном робинзоны. Завез сюда в 1805 году — тогда еще никто тут не жил — мореход Потап Зайков одиннадцать промысловиков. И оставил. И все про них забыли. Судно, что ли, утонуло, или еще почему. Но сняли их отсюда лишь в 1812 году. Семь лет робинзонами, на подножном корму, жили... В конце концов, — раздумывая вслух, говорит он, — большинство людей живет на островах. Только у одних они большие, у других — меньше. У одного остров — Москва, у другого — Беринг. Двести миллионов островов, а? — Удивляется он своей неожиданной мысли. — Как так? Очень просто. Мы сейчас — тоже на островке болтаемся. На маленьком, на железном. Только он самоходный. А живет, скажем, человек в Тамбовской области или в городе Омске. Знает места лишь вокруг, общается с друзьями-приятелями — свой круг. Вся жизнь: знакомые, интересы, заботы, работа — все в этом кругу. За него и до самой смерти, случается, не выходит. А переехал куда — там тоже новый остров: круг знакомств, забот, развлечений. Так что у каждого свой остров: у меня, у тебя. Ну а этот вот, — огонек сигареты прочертил в темноте след к иллюминатору, — небольшой... — И со смешком добавил: — Алеутского района. Необитаемый. В семьдесят втором, кажется, отсюда последних постоянных жителей вывезли. Летом — котики да ученые, а зимой — никого... Пойдем спать, — неожиданно прерывает он себя. — День завтра трудный будет...

Лишь чуть брезжит серый мглистый рассвет, опять поднимаюсь в рубку — все равно спать не дает беспрерывный грохот цепи. В шесть связываемся по радию с промысловиками. Эфир полон сонных голосов: на русском, английском, японском переговариваются рыбопромысловые суда.

— Третий! Ответь первому! Третий — первому! — врывается близкий голос. Это нас. Промысловики сообщают: котик есть, но сейнеру не подойти — большой накат. — Брать кота или не брать? — спрашивает радист.

— Берите. Подойдем, — коротко и решительно заверяет капитан.

Высадка на берег для такой погоды — мероприятие, прямо сказать, рискованное. Но иного выхода нет: промысловики уже работают — они взяли «отгон» — котиков для забоя.

Отгон — сотни три котиков-холостяков — охраняют в камнях двое мальчишек-алеутов. Отсюда берут зверобои по два-три десятка голов: перегоняют к месту забоя и там пускают в ход свои дубины-«дрыгалки».

С любопытством и жадностью смотрят на забой песцы. Не вылинявшие, дражные, все в клочьях бурой свалявшейся шерсти, они подходят совсем близко, ожидая момента, когда можно будет ухватить кусок мяса.

Один из них увязывается за мной, когда я ухожу к лежбищу сивучей. Точно собачонка, идет рядом по прибрежной гальке в двух шагах. Позирует безбоязненно перед фотоаппаратом, а когда сажусь отдохнуть, ложится рядом и, будто демонстрируя свою смелость, кладет морду на лапы и даже закрывает глаза.

Но и это еще оказывается не верхом нахальства моего спутника. Стоило на минуту оставить на земле один из объективов фотоаппарата в кожаном футляре, как он оказывается в зубах у проворного зверька, — поволок хрупкую оптику по камням. Приходится отбрасывать джентльменство и браться за палку.

За мысом, на берегу, и на огромном камне, выступающем из моря, — спят сивучи. Почуввав меня, со стремительной поспешностью, которую трудно предполагать в этих с виду неповоротливых тушах, кидаются в море. Те же, что взгромоздились непонятно как на обрывистый пятиметровой высоты камень, не спешат покидать облюбованного места: лишь поднимают головы, оглашая воздух ревом, похожим на рык настоящего льва. Впрочем, и по виду они похожи: такой же окраски их плотная короткая шерсть — у самцов на шее и голове она гуще, будто грива. А клыки этого полутоннотонного зверя способны раздавить даже камень. Но с котиками они живут мирно. А вот человека боятся, несмотря на свою силу.

Пробивается солнце сквозь туман, и мы, обсушившись, карабкаемся на прибрежные скалы, тревожа их обитателей — черных как смоль, краснолицых урил-бакланов. Впрочем, они тоже особенно и не тревожатся, только поднимают свои холматые головы, не сходя с гнезд, хитро пристроенных на крохотных каменных уступах. До них можно добросить камнем — два десятка метров, но то ли прилежание их к выводу потомства сильнее чувства страха, то ли они, не зная о судьбе своего собрата, ныне исчезнувшего очкового баклана, еще не научились бояться человека — не улетают.

Но вот уходят промысловики, закончив свой труд: по узкой тропе, держась за канат, карабкаются высоко на скалы — в туман. Нелегко взять у здешней природы даже то, что она сама дает человеку. Не создала тут она райских кущ для беспечного обитания людей.

ЕСЛИ ОТБРОСИТЬ РОМАНТИКУ

Узнаю и не узнаю его — этот берег, по которому в первый раз ходил лет пятнадцать назад. Неширокий заливчик, на берегу которого село Никольское. Так называемая лайба — широкий пляж, где течет под ветрами песок: дюны его, покрытые тонкими коврижками торфа-дерна, похожи порой на грибы. На выходе из заливчика плавает такой же коврижкой островок Топорковый, высится серой скалой Арий Камень — приюты неприхотливых морских птиц: топорков, ипатов, бакланов, ар — так называют здесь кайр, — отсюда и имя островка. Но на одну из сопек взгромоздился ретранслятор — значит, смотрят в Никольском телевизоры. Уже перепоясаны сопки дорогами — значит, есть на чем ездить по ним. Впрочем, вон, несмотря на ранний час, с десятков автомашин стоит у пирса, ожидая прибывших. Помнится, было тут раньше из транспорта всего два грузовика, трактор да один вездеход, а «в остров» можно было поехать либо на вездеходе, либо на тракторе, которым дорог не надобно.

И села не узнать. Ютились когда-то несколько домиков на самом берегу у

прибойной полосы, в цунамиопасной зоне, да выше метров на полсотни на террасе под сопкой вставляли первые двухэтажные дома — перебиралось село в безопасное место, и не потемневшие еще от времени лестницы-трапы взбирались туда от берега. И дома эти первые были незаселенными даже: магазин, столовая, почта — все было внизу, и отсюда туда, «на периферию», не очень хотели переезжать с насиженных мест, а новых жителей не прибавлялось, поскольку работы на острове не было.

Но, видимо, стремление довести Алеутский национальный район — под такой вывеской значится это единственное на Командорах село — до вида показательного в ожидании туристского паломничества сюда, привело к созданию многих положенных «по штату» райцентру контор и конторок, взаимно и перекрестно обслуживающих друг друга, — и теперь, говорят, тут такой же жилищный дефицит, как в каком-нибудь городке на черноморском пляже.

Сейчас Никольское выросло, наверное, втрое. И того, что раньше было здесь в дефиците, стало в избытке: люди, куры, яйцо, молоко и учреждения, — так мне объяснил один из старых знакомых-командорцев, человек, не лишенный остроты ума и языка. Зато того, что раньше было в избытке, теперь не хватает, как ни парадоксально — жилья и рабочих рук. Поверхностное благопристойное объяснение этой парадоксальности несложно: так сказать, болезнь роста.

А вот отчего эта болезнь приключилась на острове, где, кроме забоя котиков, никакая иная хозяйственная деятельность не требует присутствия здесь людей, а лишь вытекает из него, — это нуждается во взгляде на жизнь острова и островитян не только с фасада экзотики. Я говорю «острова» потому, что на соседнем с Беринговом острове Медном не живет никто, туда лишь ездит на забой бригада промысловиков, да летом на лежбищах находятся научные сотрудники разных институтов.

Котики были причиной заселения островов. Котики являются хозяйственно-экономической основой сегодняшнего существования здесь района. Котики, и ничто другое, в экономическом плане определяют его будущее.

Единственная материальная ценность, которую дает стране здешний зверозавод и которую (четверть ее) можно получить еще лишь в одном месте — на острове Тюленьем, возле Сахалина — это мех и жир котиков.

Правда, на зверозаводе есть и норковая ферма — тоже производящая продукцию. Задумана она была первоначально как цех, работающий на отходах котикового промысла — мясе котиков, остающемся после забоя. Но, для того, чтобы сбалансировать убытки от котикового промысла (а он последние годы был для хозяйства убыточным), увеличили норковую ферму. Корма для зверей не стало хватать, его пришлось завозить на остров. Потребовались люди, средства, жилье — снежный ком покатился.

— Сегодня, для того чтоб зверозавод был прибыльным, надо поголовье норок увеличить до пятнадцати тысяч, — рассказывал директор его Василий Кириллович Олефир. — Нужны рабочие, нужно жилье, средства. Деньги, правда, дают, но нужны материалы, техника — чем строить. Мы вызываем людей с материка, а их переманивают другие организации квартирой, зарплатой, более чистой работой. Вот от нас ушел машинист холодильника работать в... спортсовет, там ему новую квартиру дали. А у нас еще пятьдесят семей живут внизу, в цунамиопасной зоне...

Чтобы обеспечивать нетранспортабельной сельскохозяйственной продукцией растущее население района (!), то есть райцентра, то есть села — район из... одного села Никольского — около тысячи четырехсот жителей, зверозавод содержит птицеферму и молочнотоварную ферму. Коров тоже надо кормить. Пришлось заняться звероводу и земледелием. И успехи, кстати говоря, в этом у работников завода неплохие. Средний надой на ферме четыре с половиной тысячи килограммов от коровы. Так что каждому командорцу в год — по 270 литров молока. А яиц даже перепроизводство.

Но всем занимается завод. В то же время здесь, в этом так называемом районе, находится три десятка различных районных учреждений. Из тысячи четырехсот — триста человек работают в зверозаводе. Объем основного производства — добыча котиков — планируется к 1990 году резко увеличить. Такие планы, по мнению ученых, в связи с депрессией котикового стада — совершенно нереальны.

Сто пятьдесят - двести лет назад с гораздо большим объемом работы — тогда котиковое стадо Командор насчитывало более миллиона голов — справлялись сорок пять алеутов.

Не надо быть экономистом, чтобы понять всю нерациональность расходования государственных средств на содержание, по существу, острова. В наш судоходный век котиков можно добывать и экспедиционно. Так же, как добывают их сейчас на острове Медном, острове Тюленьем: пришло судно, высадило зверобоев, загрузило продукцию промысла и — вся работа. Значит, затраты на содержание района — а здесь большинство получает тройную зарплату, и, кроме молока, яиц, рыбы, практически все товары потребления завозятся бог знает откуда, — это затраты на содержание острова. И уже среди самих командорцев, тех, кто считает безделье недостойным для себя занятием, зреет «крамольная» мысль: а нужен ли районный аппарат для одного маленького села, нужно ли называться районом?

Второй секретарь райкома партии Николай Михайлович Стельных по манере общения из недавних комсомольских работников, деятельно занятый своим отъездом — через две недели — в отпуск, выкроив минутку для деловой беседы, «крамольную» эту мысль встретил явно враждебно, но аргументировать ее неприятие ничем не мог, кроме ссылки на «национальную политику партии». И тут же нарисовал блистательную картину роста поселка, строительства нового здания райкома (сейчас он находится в двухэтажном доме вместе с райисполкомом), лестницы и видовой площадки для туристов на поднимающейся за селом сопке. И в мишуре этого благополучия Алеутского национального района быстро был утоплен смысл разговора об экономической и политической целесообразности существования здесь таких же районных учреждений, которые в других промышленно развитых регионах страны призваны обслуживать десятки тысяч человек населения.

Что же касается аргументации «национальной политикой», то давайте чуть-чуть разберемся в истории и этнографии.

В 1819 году, почти восемьдесят лет спустя после открытия Командоров, сюда с островов Атту и Атка (Алеутские острова) были переселены «для бобрового промысла» 45 алеутов. Это были первые постоянные жители на дотоле необитаемых островах, основавшие свои поселения на Медном у мыса Паллата (15 человек) и в устье реки Саранной на острове Беринга (30 человек). Затем количество поселенцев увеличилось, и пришедший сюда в 1827 году бриг «Байкал» увез такую запись о составе островитян: «русских — 17, креолов — 13, алеутов — 24; женщин-алеуток — 21, креолок — 35». Со временем этнический состав островитян становился все более калейдоскопичным. И в 1900 году, как утверждают этнографы, на Командорах чистых алеутов уже не было, — алеутами считались те креолы, у которых кто-то из родителей был аборигеном Алеутских островов. И все «казенные промыслы» к этому времени обеспечивали рабочей силой 532 в общей сложности жители островов, из которых «по бумагам» алеутами числились 170 человек.

Было бы неверно сегодня говорить о возрождении алеутов в национальной чистоте. Рост же «побумажных» алеутов произошел, очевидно, благодаря тем льготам и благам, которые Советская власть, национальная политика партии предоставляют малым народностям для их развития: алеутом здесь быть выгоднее в материальном отношении.

Если командорскую проблему представить в чистом виде, то она будет звучать примерно так. Надо ли завозить на остров людей с материка, чтобы они изобретали себе работу (поскольку единственное производство здесь — котиковый промысел — с успехом обеспечат коренные жители), платить завезенным сюда тройную зарплату и привозить для них сюда все нужное для нормальной жизни? Ответ тут может быть лишь однозначный — нет!

Может быть, районная надстройка нужна местным жителям, и они при менее чем 12 человеках в госбанке, пяти в отделе кинофикации, семи в госпромхозе, 57 в рыбкоопе и прожить не смогут?

Светлана Владимировна Хабарова бригадир рабочих на зверозаводе. Хороший производственник, добросовестный работник, награждена орденом «Знак Почета». По анкете — алеутка. Родилась на острове Медном, там прошло ее детство. И природа Беринга, хотя здесь живет много лет, не могла покорить ее больше, чем родные места. Растила и воспитывала ее бабушка.

— Окончила я торгово-кооперативный техникум и снова вернулась сюда, — рассказывала Хабаровая. — Но по специальности работы не было — пошла на зверозавод. Конечно, если бы я не была алеутка, вряд ли так благополучно сложилась моя судьба. Сама вот живу неплохо, дочери устроены. Наталья, младшая, выучилась, живет в Петропавловске. Я скоро тоже к ней уеду: тут без меня работать есть кому. Старшая здесь работает. Растила их без отца. Если бы не помощь государства — как бы я их вырастила? А от того, есть тут район или нет его, — речь зашла об административной особенности Командоров, — для меня ровным счетом ничего не меняется. Мне забота государства, спасибо, нужна, а через райисполком или сельский Совет она оказывается — какая разница.

Мне пришлось побывать во многих здешних так называемых районных учреждениях. Наиболее добросовестные работники в некоторых из них приискивают себе работу, для оправдания своей тройной зарплаты, другие откровенно работают по принципу: «не мешайте нам ничего не делать». Даже официальная комиссия Камчатского облисполкома, интересовавшаяся трудовыми ресурсами Алеутского района, и та насчитала здесь не один десяток «лишних» людей. И она еще была далека от максимализма в своих оценках.

А национальная политика партии, которой порой далеко не с партийных позиций прикрывают свое тихое ничегонеделание и иждивенчество, призвана оказывать государственную помощь малым народностям в их развитии, в их вовлечении в жизнь всей страны как равноправных и равноценных граждан, а не прикрытие для создания сонма бездеятельных учреждений.

Будущее этих островов — тоже котик. Никаких полезных ископаемых, других основ для промышленного развития тут нет. Остается либо катить снежный ком дальше — расширять звероводство, что потребует нового строительства, дополнительных людей, расширения социально-бытовых служб, сельского хозяйства (пока оно, подобно птицеводству, не упрется в кризис перепроизводства и проблему сбыта), и снова по кругу, по кругу, либо...

Перейти, как предлагают некоторые, на экспедиционный способ промысла котиков — упрятать «джина» в бутылку — хотя экономически и целесообразно, практически невозможно. Село существует, оно благоустроено, и оно родное для 270 коренных жителей его, в документах которых, кем бы они ни были по существу, в графе национальность записано: «алеут». Существует и зверозавод, от которого «есть пошла» вся здешняя жизнь и все блага и которому необходимы триста пар рабочих рук.

Еще первые русские землепроходцы — промышленники и казаки — селились в дальневосточных краях по местам, «добычливым и кормным», и не создавали человеческих заповедников на привозных харчах.

Мы, конечно, живем несравненно богаче и щедрее. Но не настолько нерасчетливо, чтобы содержать «рай» лишь потому, что на простое село ассигнуются одни средства, а на национальный район — уже другие. Кстати, большая часть этих средств и поглощается этими «раями», а не идет на развитие экономики.

Года два назад в соседней Магаданской области зашел у меня разговор о влиянии районных учреждений на производство с директором тамошнего орденоносного оленеводческого совхоза «Рассвет Севера» Евгением Михайловичем Харченко, хозяйственником деловым, сметливым, подчас и хитрым. Лет пятнадцать руководит он тем хозяйством, заслужил ордена, уважение и почет. Разговор был о том, которая часть тех больших средств, что ассигнованы теперь на сельское хозяйство, дойдет по назначению: до поля, до фермы, до гаража. Не растечется ли по мелким ручейкам эта большая река, не достигнув того, чему должна дать живительную силу роста?

С хитроватым простодушием Харченко посетовал, не утверждая и не отрицая ничего прямо:

— У нас райцентр в Северо-Эвенске. Почти сто километров. Дороги нет. Так пробили по тундре: зимой можно ездить, если не пурга. А ветродуи тут постоянные. Из района требуют, чтоб совхоз содержал этот зимник. А зачем он нам? Запчасти возим самолетом из Магадана. Генгрузы получаем с парохода морем. Оленину отправляем из Чайбухи тоже самолетом. А зимник... — со своим хлопот хватает. Двести пятьдесят километров в тундру: связывает все оленеводческие бригады и экономит

нам сотни тысяч рублей, которые пошли бы на авиацию. А от этой дороги нам проку нет. Мы — сами по себе, они — сами по себе. Но — требуют...

Командорскому директору зверозавода жить несравненно труднее, хотя в экономическом плане весь район — это тот же завод. Только обросший, как судно, ракушками, так называемой инфраструктурой. Единственное село на острове (по существу единый социально-промышленный или социально-аграрный комплекс) оказалось управляемым из двух центров.

Исправить существующую ошибку несложно: надо лишь оформить официально сложившийся самой жизнью социально-аграрный комплекс. Есть и аналоги этому. Скажем, в городе — завод или комбинат. Хотя его рабочие, наряду с другими жителями, пользуются всеми социально-бытовыми благами города, он, как правило, имеет еще и свои собственные — столовая, амбулатория, Дом культуры, детсад, ясли, бытовые и другие службы — и управляет ими по своему усмотрению в интересах своего производства и своих рабочих.

Видимо, только создание вот такого единого, управляемого из одного центра социально-аграрного или аграрно-социального комплекса, административно подчиненного (в силу своих национальных и территориальных особенностей) или непосредственно Петропавловску, или ближайшему (90 морских миль) Усть-Камчатскому району, даст возможность остановить дальнейший рост «снежного кома» и сбалансировать социальную и экономическую структуру этого национального села, которое основано, существует и будет существовать лишь благодаря и для китикового промысла...

Как-то так получилось на дальневосточном Севере, что, заботясь и много делая для развития населяющих его малых народностей, здесь шли все же по стандартному пути: районы, поселки, учреждения кроили по той же колодке, что и в центральных областях страны. Укрупняли, стягивая с промысловых мест жителей в пункты более удобные для социального благоустройства, но ограниченные для производственной деятельности. В них лучше и больше строили, там основательней благоустраивали административно-управленческое сидение. А северная глубинка оставалась сама в себе.

Ее развивали, так сказать, извне: культналетами агитбригад, «спусканием» вниз социально-бытовых контор, указаниями и проверками из райцентров. И люди, естественно, старались селиться туда, где можно бесхлопотней и удобнее жить: кому же хочется таскать на санках пиленый лед и уголь в ведре, когда «там» — и водопровод, и центральное отопление. Наиболее активные и подвижные кадры были «выкачаны» из глубинки. И многие из них, кстати, оказались не при деле. Выросла категория «лишних» людей — тех, кто, будучи оторванным от своих исконных занятий, был не в состоянии овладеть в должной степени новыми современными специальностями. Это о них старая поговорка: «От ворон отстала, а к павам не пристала»...

Сегодня мы пожинаем плоды этого общесоюзного стандарта, ищем решения проблемы кадров для оленеводства, охотничьего промысла. Если бы социальное развитие шло как социально-экономическое — от хозяйственной глубинки, от экономической основы, от первоочередного строительства и благоустройства в месте производственной деятельности — в совхозе, отделении, бригаде, и в последнюю очередь в непроизводственных административных центрах, проблемы этой сегодня не было бы.

Но она с каждым годом становится острее и, влияя непосредственно на экономику северных оленеводческих, выражаясь языком связистов, однополосных хозяйств, тормозит и социальное, и культурное развитие.

Говорят, кто платит, тот заказывает музыку. Увы, и на Командорах, и во многих других местах Севера «платят» одни, а заказывают музыку и танцуют другие. Река направляемых государством средств на развитие районов проживания малых народностей добегаёт до сферы материального производства необильным ручьем, — большая часть ее поглощается песком непроизводственной надстройки.

В Алеутском райотделе кинофикации (это при одном-единственном клубе!) есть легковая машина. Это для того, чтобы привезти раз в неделю, а то и реже, коробки с кинолентами из аэропорта или с причала, куда за пассажирами, другими грузами приходит немало других, тоже не менее персонифицированных машин. А

вот у зверозавода такой машины нет. А ведь клубная тоже получена под статью «на развитие национального района» в конечном счете. И еще десятка три райучреждений благоденствует по этой статье на острове Беринга.

Если же посмотреть с вершины этой проблемы на карту дальневосточного Севера, то аналогов наберется еще немало. Тот же райпоселок Северо-Эвенск в Магаданской области. Лишь в будущем предрекают ему геологи стать центром горнопромышленного района. А пока он вот уже много десятилетий «сам по себе», а совхозы, связанные с ним лишь общей тундрой, — «сами по себе». Быстринский район на Камчатке, состоящий тоже из двух сел и, соответственно, из двух художнических оленеводческих совхозов, которых едва хватает на то, чтобы обеспечить камусной обувью все районное начальство.

В другую, противоположную Командорам сторону от Усть-Камчатска в сотне километров вверх по реке, под самым высоким вулканом Евразии расположен городок, от которого и пошло название вулкана — Ключи. Двенадцать тысяч населения. Леспромхоз и совхоз — основное производство. Входит он (в десять раз крупнее Алеутского района и по населению, и по валовому производству продукции) в состав Усть-Камчатского района, и управляет тут всеми делами местный Совет, громко именуемый горисполкомом.

Энергичный, живой, деловой председатель его, или, как его здесь любят называть, мэр города Николай Леонидович Ковалищенко никак не может примириться с несамостоятельностью своего города.

— Вот если бы здесь был район, — развивал он свою, видно, давно выношенную и выстраданную идею, — мы бы больше строили, больше было бы социальных благ. Посмотрите нашу больницу, детсад...

Аргументы его были бесспорны, побуждения — лучшие, желания — общественно значимые и полезные. И все же было непонятно: почему для их осуществления нужен для одного города обязательно районный аппарат, хотя и города в десятеро большего, чем Алеутский район? На какой производственной базе вить районные гнезда?

Для решения подобных проблем есть путь простой и естественный, опробованный еще первопроходцами. Место-то должно быть «кормным» — в прямом смысле и в смысле промышленности: надо расширять материальное производство. И, видимо, так же — путем создания аграрно-социального или промышленно-социальных комплексов, в которых соединится в единое целое и Советская власть, и руководство производством.
